

Петер Зилахи: Последний окножираф

(Иллюстрированная энциклопедия для детей старше пяти)

Фрагменты

Окножираф представлял собой книжку с картинками, по которой мы учились читать, когда читать еще не умели. Правда, я-то уже умел, но учиться все же пришлось – иначе зачем нужна школа? Построенный наподобие лексикона, окножираф в доступной детскому пониманию форме знакомил нас с миром. Всему в этой книжке нашлось свое место и все имело свой смысл – буквальный и символический; из нее мы могли узнать, что солнце встает на востоке, что сердце находится слева, что Октябрьская революция была в ноябре, а окно пропускает свет, даже если оно закрыто. Окножираф населяли драконы и феи, принцы и черти рогатые, которых, как там писалось, в природе не существует. Одних семиглавых драконов, которых в природе не существует, там, помнится, было четыре. И, кажется, трое принцев. Окножираф по слогам научил нас читать между строк. Он был столь же естественным и привычным, как мишка с телеэкрана, вместе с которым я после вечерней сказки укладывался в постель. Никто и не спрашивал никогда, что такое окножираф. Потому что окножираф – это окножираф. Для меня окножираф – это детство, раздевалка, школьный спортзал, ощущение постоянного роста, предвкушение лучших времен, мягкая диктатура, уроки, невинность, мое поколение. Окножираф – это книга, одним из героев которой являюсь я сам. И лишь через двадцать лет, когда кто-то спросил, что же это такое, я догадался, что окножираф – это первое и последнее слово, альфа и омега, потому что тот лексикон начинался со слова "ablak" и заканчивался словом "zsiráf". В самом деле. Окно – есть начало, через окно к нам приходит свет, а жираф – конечная бесконечность, сюрреализм, пылающие жирафы, вечное бытие! Лексикон, в котором есть то, что в него не вошло.

В Париже тоже есть окножираф, я видел его на открытке, только зовут его *эйфиглева-башня*. Мне прислала его Жофи Брюннер, которая эмигрировала во Францию и училась уже по французскому букварю. У эйфиглевой-башни тоже длинная шея, четыре ноги и множество окон. Тут тебе и окно, и жираф, да и имя красивое, сочетающее в себе озорство и посул, обещание вознести тебя до небес, оторвав окончательно от младенческой перспективы, открывающейся из-под стола, что при наличии скоростного лифта, скользящего внутри башни, – дело чисто техническое. Жофи Брюннер и сама слегка смахивала на жирафа, только без окон и скоростного лифта внутри. Лифт я ощутил у себя в глотке, когда однажды она подошла к моей парте на тонюсеньких своих ножках и позволила мне понюхать свой ароматизированный ластик. А потом я всю ночь как хмельной читал по слогам, плясь в буквы, которые двигались на меня, как кошачьи глаза, выплывающие из темноты. На следующий день Жофи эмигрировала. Как объявил нам классный руководитель, они внезапно уехали. А мог бы сказать "с трагической внезапностью", как уходили тогда генсеки. В моей душе тот ароматизированный ластик оставил неизгладимый след. Лишь позднее мы узнали, что уехали они не на отдых, не в отпуск, потому что вместо себя Жофи прислала нам эйфиглеву-башню, чем-то похожую на окножираф, во всяком случае в ней был заложен смысл, доступный умеющим читать между строк. Красивое слово, примерно такое же, как анчоусы.

Самое раннее воспоминание, сохранившееся в моей памяти: детский сад, тихий час, опустившись на четвереньки, я ползу под кроватями. Из зашторенных окон на белые одеяла струится лунный свет. Хотя нет, свет не лунный, ведь мы были в садике днем. Я ползу, опасаясь проснуться и разбудить других. Я один – почти что фиктивный ребенок, – балансирую на скрипучем паркете, в колени впиваются крошки, меня не видать. Совсем маленький, я ползу по огромной спальне, ощущение – будто ползу уже не один час, лавируя между простынями, свисающими ручонками, ножками. Ангелочки храпят. Проплывают перед глазами легкие облака, педофильский рай, пухлые пальчики, ямочки на щеках, кудряшки. Ой-ой! Кто-то ползет под кроватью навстречу мне, мы сшибаемся лбами, из-за простыни мне не видно его лица. Этот "кто-то" пыхтит,

обжигая мне шею горячим дыханием. В это время появляются воспитательницы: белые полы халатов, белые носки, белые шлепанцы. Мы замираем под кроватью, он берет мою ручку в свою, ладонь его взмокла. Ой-ой!

Старинное здание на горе Шаш в Будапеште, где была расположена наша школа, до того, как стать цитаделью народного просвещения, принадлежало женскому монастырю. Когда немцы весной 44-го оккупировали Будапешт, в актовом зале разместилась их ставка, здесь же был арестован военный комендант Будапешта. А потом в исторических стенах того же зала мы бегали по кругу на физкультуре. Стоя в позе "свечи", постигали историю родины. Магьяры, вещал нам моржеусый физрук, явились в Европу в эпоху переселения народов. Звучало это красиво. Наши предки стоят в южнорусской степи, на великом "пути народов", голосуя большим мослом с надписью "Венгрия", вырезанной древними рунами, которую, само собой, никто не может прочесть. От Тихого океана и до Большой венгерской низменности, где-то от Амура до Дуная, простирается огромная степь, говорил нам учитель. Разбег, подскок, прыжок через козла, колесо. На одном конце – венгры, на другом – ГУЛАГ, так что не забываетесь. И, чтобы мы не теряли равновесия, подстраховывал нас оплеухами с обеих рук – по принципу золотой середины. Я, понятно, предпочитал лазание по шесту и пробежки по кругу. Хорошо, говорит он, я умываю руки, и наваливается на меня всей тяжестью уккоризненной интонации: дескать, он всего-навсего хотел *сделать* из меня *настоящего венгра*. Ясно было, что взрослые кое в чем темнят, потому что, с одной стороны, язык был самым большим унаследованным нами сокровищем, а с другой, мне все время пытались заткнуть фонтан, историю отечества путали с анатомией, патриотизм с грамматикой, солидарность с затрещинами. Словом, венгры пришли сюда тыщу лет назад, и сегодня еще идут, если, конечно, не померли. Откуда идут и куда – никому не известно. А если кому известно, тот заблуждается. Тот не венгр. Или венгр, но не тот. В смысле – не настоящий. Что есть венгр – покрыто большим туманом. Ясно только, что венгр ничем особенным не отличается, что выглядит он, как все, везде легко приживается, за исключением Венгрии, где ассимилироваться ему невозможно – мешает общий язык. Венгр – немного сербохорват. Немного бездомный. Он идет великим путем народов, гонит перед собой тучные стада и непрерывно воюет. Налетающие сзади антициклоны подгоняют его гигантскими оплеухами. Ничего не поделаешь. Образ венгра, усвоенный мною в результате изучения Карла Мея и панорамы Фести, изображающей завоевание нашими предками нынешней родины, вобрал в себя прогрессивные традиции Дикого Запада вкупе с Диким Востоком. Жизнь венгров мне представлялась ковбойской, а воевали они, как индейцы. Опережая героев Эпохи Великих Географических Открытий, коллекционировали художественные ценности. Писарро и Кортес шли по стопам вождей Лехела и Булчу. Венгерские индейцы, как какую-нибудь почтовую карету на большой дороге, с воплями и плясками атаковали средневековье, поражая стрелами всех, кто осмеливался высунуть голову. Нападали на викингов и на мавров, разоряли монастыри, напинали Европе по заднице, но гордиться этим не принято. Я, кстати, и не горжусь. А затем, увидав Атлантику, поняли, что пастбища кончились и с гиком обогнуть весь земной шар не получится. Путь из Европы им преградил океан. Что было делать, пришлось венграм сесть на запятки почтового дилижанса и отправляться назад. Карпатский бассейн тоже когда-то был морем, и прибудь мы сюда своевременно, то стали бы мореплавателями. И было бы у нас свое море – не историческое, не кровью омытое, не арендуемый на уикенд коттедж.

Пионер – это я! Отчаянный и бесстрашный. А чего мне бояться? Все мои двадцать пять килограммов – это сама утопия. Я без усталости расширяю свой кругозор, добровольно и весело, а также способствую укреплению дружбы народов. Пионер – это я. Всем, кто в этом нуждается, я оказываю помощь. Тебе, тебе и тебе! Чтобы знал, что попал в беду не напрасно. Я непоколебим, как вера в моей – и в твоей – душе. И вся мировая реакция обращается в бегство, стоит мне передернуть свой пионерский галстук.

Двенадцать пунктов устава пионеров, в отличие от нормативных десяти заповедей, отличал дескриптивный подход. Они воплощали будущее. Пионер – есть готовое совершенное существо, которое поступает так-то и так-то, например, всегда говорит

правду (пункт 6-й). По мне так уж лучше новозаветные идеалы. Брось хлебом в того, кто в тебя бросит камнем, это не слабо, кидаться жратвой – прием, который всегда выручает, когда у творца иссякает творческая фантазия. И тогда возникает бурлеск. А что, если кто-то из пионеров объявит, что все пионеры врут? Вот Шохар, да будет известно об этом всему человечеству, врет как сивый мерин, хотя у него и галстук имеется, и даже свисток. Отличный, кстати, свисток, Шохар такого и не заслуживает. Так что хочешь не хочешь, а надо признать, что пионер – тоже человек. Это мог бы быть тринадцатый пункт. Хотя это столь очевидно, что особого пункта не требуется. Тринадцатый пункт – пункт неписанный, подразумевающий, что у каждого свои слабости. Взять хотя бы меня: как-то раз я стащил в школе головоломку, занюхав ее в носок, правда, я был еще октябренок и родители велели мне все отнести назад, хотя по их лицам заметно было, как гордятся они своим отпрыском, усмотрев в блестящих цветных кружочках и треугольничках символ неодолимой тяги к познаниям, – ну да насчет воровства никаких пунктов не было, оно было частью системы.

Я был еще невинным, но мне это не мешало. О том, что это такое, я не имел понятия. Мир в ту пору был черно-белым, и увидеть его можно было по телевизору. До сих пор у меня перед глазами овертайм финального матча Голландия–Аргентина, дуэт Баадера с Майнхоф, “Аполлона” – с “Союзом”, гибель Элвиса, короля рока (не знаю, уж почему, но отец был в отпаде), прорыв газа в местечке Жана, облака вулканического пепла над горой св. Елены, полет в космос венгра и всемирный чемпионат по кубуку Рубика в Будапеште. Спорт в черно-белом изображении был очень занятен, во время боксерских матчей приходилось замечать, у кого сколько полосок на носках. Даже на первом свидании, которое тоже было черно-белым, я не забыл подсчитать, сколько полосок было у той девчонки, цвет глаз ее помню хуже. А после первого поцелуя родители купили цветной телевизор, и сразу выяснилось, что голландцы – апельсиновые, итальянцы – синие, что есть зеленые и есть красные дьяволы, только немцы, словно бы в наказание, как были черно-белыми, так и остались, и страна у них была разорвана надвое, так что я не завидовал им.

Купание проходило, пока шли новости. Время от времени мать заглядывала в ванную – убедиться, что я на месте. Отец в гостиной смотрел телевизор. Дабы уберечь меня ото лжи, им следовало быть в курсе дел. До меня доносились причитания матери: опять наплещет воды, всю квартиру затопит. Я с головой погрузился в воду. И некий голос стал вещать о том, что в тот день произошло в мире: в Бангладеш в результате оползня погибли 150 человек, в Западной Африке началась революция, где-то открыли детсад и олимпийский бассейн, клуб МТК со счетом 2:0 выиграл у Ференцвароша. Не знаю, кто мне вещал и что хотел сообщить, но ясно было, что у них на меня имеются виды, ведь мне даже объявили, какая будет погоды. На следующий день я различил в ванне уже несколько голосов, что свидетельствовало о том, что со мной имеет дело организация. Способ коммуникации мне казался логичным: я не мог ничего передать им, ибо под водой разговаривать невозможно, они же, дабы о наших контактах не прознали родители и воспитатели, могли выйти со мной на связь только во время купания. Мне трудно было понять, почему для организации так уж важно подробно информировать меня о военных учениях в Польше и о том, какие села на территории Задунайского края стали городами, но я знал, что если буду внимателен, получу сигнал. Моя жизнь под водой обретала глубинный смысл. Как-то в воскресенье, во время мытья головы, мать ничего не подозревая окунула меня с головкой, и приятный женский голос шепнул мне на ухо, что градом побило весь урожай. Тут я понял, чего от меня ожидают, и, честно сказать, это было мне по душе: я должен был творить беспорядки. Мне и раньше случалось после того, как меня укладывали в постель, сражаться в темноте с субмаринами и истребителями, и даже бывало, что я оказывался на полу, но все же благодаря несгибаемой воле в конечном счете победа всегда оставалась за мною. А с того дня я стал саботировать развитие нашей народной демократии с трудолюбием пчелки. Мой путь был отмечен землетрясениями, взрывами газа и отключениями электричества. Получаемая во время купания информация позволяла мне вычислять стратегические объекты, и если в стране сдавали новый завод или электростанцию, я был тут как тут и делал, что должен был делать. Тем временем СЭВ топтался беспомощно у железного занавеса, не допетривая, что враг у него в тылу.

В 1956-м году, в честь 500-летия Нандорфехерварской битвы, Будапешт превращают в руины. Советская Армия действует в духе традиций 1944-го, распространяя их и на некоторые уцелевшие о ту пору объекты. Город весь издырявлен снарядами, дыры зияют в домах и промеж домов, новые дыры не отличить от старых, и становится постоянной темой вопрос, пострадал ли тот или этот дом во время осады или в дни революции, в 56-м или в 44-м, нет, этот в 44-м не мог, он же новый, да какой там конструктивизм, что, не видишь, как выгнута у него терраса! Но вот пошел снег, дыры скрылись, потом выпал новый снег, свежий снег смешался со старым, и никто уж не мог сказать, какой снег – старый? новый? – залепил эти раны; люди ждали тепла, изнуренные бесконечной стужей. Сорок тысяч больших дыр и несколько миллионов маленьких. Будапешт – продырявленный город. В этом дырявом городе я родился, дырки от пуль на стенах больницы, то же самое на кладбищенских плитах. У меня на глазах в могилу барона Мано Кручины Шванбергского (и супруги его Марианны) прошмыгнул двухметровый уж. Барон умер в 56-м, Марианна – в 44-м. Классовая борьба? Или надпись резали с пьяных глаз? Потом надгробный камень исчез и на месте его осталась дыра. Затем на месте дыры появилось другая могила. Круговорот дыр в природе. Дом, в котором мы жили, был построен на месте дыры, оставшейся от дома моего деда. Мой отец играл в детстве в воронках от бомб, упавших в наш сад. Дыры побольше использовали для застройки, поменьше – под мусор; в конце сада лежали навалом отслужившие свое кинескопы и телевизоры; кладбище информационного лома на горе Сабадшаг. Как-то в одной из дыр мы нашли настоящую бомбу с крылышками, она тоже была дырявая. Кто-то свинтил с нее боевую часть. Мы любили, забравшись на каменную ограду, совать пальцы в дырочки и зажмурив глаза представлять себе пулю. Новейшая история Будапешта писана азбукой Брайля. Будапешт не доступен свободному взору, его нужно осязать, познавая через наколотые на стенах дырки. Читать его между строк, читать его иероглифы во всю стену, лирические и эпические вариации, граффити войны, шероховатые эротические послания, вывороченный наизнанку архив. Жизнь Будапешта продолжается в новых дырах. Их рожают новые нужды города, там и тут ни с того ни с сего возникают проплешины, различимые даже на карте, и так же внезапно исчезают под натиском офисов. Свои дыры, маленькие и большие, неустанно проделывает в городе мафия. Меняется аура дыр. Жизнь дыр девяностых годов эфемерна: не успеет отверстие появиться, как его уже залатали. То ли дело калибры старых времен: долговечный 9-миллиметровый, внушающий уважение 23-й, оглушительный 38-й и убойный 85-й.

Тернистый путь к половой зрелости в моем случае был вымощен смертями коммунистических диктаторов. Мое первое сексуальное впечатление совпало с кончиной Мао: в детском садике меня укусила девчонка по имени Диана. Когда умер Тито, у меня стал ломаться голос, а смерть Брежнева вызвала первое семяизвержение. Три дня по радио передавали классическую музыку, мне казалось, что это слишком, а в некоторых школах даже отменили занятия. Потом какое-то время ничего не происходило; в виде эксперимента я пригласил девчонку в кино, но фильм был слишком хорош, а я слишком скован. В гимназии дело пошло живей, от первого поцелуя до первой безумной ночи пролетело лишь несколько месяцев. Вслед за Андроповым отдал концы и Черненко. А через неделю-другую за ними последовал Энвер, но об этом рассказывать мне не хочется. Когда казнили Чаушеску, я узнал, что такое G-point. Ким Ир Сен вообще едва не перевернул мою жизнь – хорошо еще, что судья оказался порядочный, отклонил обвинение. Ну а если Фидель? Какой тут гром великий грянет?..

В первом классе нас научили писать, составляя слова из букв. Слова хранились в особой книге, как образцы, готовые для прочтения. В словаре были все слова, какие только можно произнести. Он был частью взрослого мира, но я чувствовал, что он выше него, что словарь обладает какой-то магической силой. Если слово, которое ты произнес, отсутствовало в словаре, оно не имело смысла. Смысл имело лишь то, что написано.

В словаре стоят рядом такие слова, которые никогда не встречаются вместе в реальной жизни. Словарь – место свиданий, случайность становится в нем закономерным, точно

так же, как в классном журнале. Журнал – тот же словарь, в котором зарегистрированы мои данные – фамилия, дата рождения, имя и род занятий отца. Из журнала можно узнать, что родители мои – инженеры-электрики и, стало быть, я – потомок инженеров-электриков, из чего можно заключить, что, наверно, я знаю толк в электричестве. Писателей, к сожалению, в классе не было, иначе можно было бы провести классный тест. Алфавит казался таким же неодолимым и вечным, как место в шеренге на физкультуре. Он был вне времени и пространства. Кого вызовут нынче к доске? Не успел я родиться, как превратился в слово.

Все слова в словаре важны, хотя по отдельности бесполезны; свою важность они обретают лишь вместе, как фамилии в классном журнале. Солидарность, существующая между словами, творит язык. В классе тоже есть солидарность, ведь вызвать могут кого угодно и каждый день начинается с переклички.

Как гавана, которую я тянул, поджидая у дискотеки пионерлагеря подружек из Югославии, так сияет сквозь толщу времен эпоха, когда мы, слепые и мало что понимающие, торили под знаком интернационализма путь к светлому будущему. Подружки с удовольствием танцевали с нами под тихую музыку, незнакомая обстановка делала их общительными, я помню, как ночью мы забрались в открытое окно их 8-го барака и как удирали – через закрытое, когда Иван испугался, что нас накрыли. Потом каникулы кончились, и мы переписывались с заграницей, надеясь, что нас пригласит отряд-побратим, и мы увидим, как подросли подружки, и снова будут звучать ABBA и BONEY M. В ту пору путешествующего не ожидали особенные сюрпризы, лагерь мира на розовой половине карты еще был един, все вступали в одну и ту же партию, жили в одних и тех же домах, не боялись одного и того же волка, обслуживание в магазинах находилось на одном уровне и даже суп, тоже одинаковый, разливали одними и теми же алюминиевыми половниками. Нечто общее было даже вещах специфических, непохожих – как югославские гамбургеры, непроизносимая змрзлна, натуральные сосиски на Александер-плац, румынское виски или албанские консервированные моллюски. Во всем было что-то такое неуловимое, не относящееся к самому предмету, и что бы ты ни жевал, во рту оставался неистребимый привкус второго мира.

Буква "О" представляет собой расположенную посередине венгерского алфавита правильную окружность, каждая точка которой равноудалена от центра. Таким образом, центр буквы "О" может считаться центром венгерского языка.

Как говорил мне учитель русского языка, для постижения славянской культуры нужно прочесть в оригинале "Войну и мир". Ему это удалось, правда, пришлось ради этого прокатиться туда и обратно по транссибирской магистрали. Лично я предпочел бы "Преступление и наказание" – чтоб ехать не дальше Москвы. *Преступление* я осилил бы по дороге туда, а обратно летел бы *Аэрофлотом*. Кстати, тоже красивое слово, что-то вроде одеколона, добытого возгонкой из боевого ОВ. Язык учил нас маскироваться. Мы должны были делать вид, будто знаем русский. "Nu-nu!" В течение сорока пяти минут я по-русски смотрел, по-русски кивал и по-русски вздыхал, водрузив на край парты "Войну и мир".

Мне и в голову не могло прийти, что знание иностранного языка – вещь полезная. Учеба для нас была условием роста, знания нужны были ради знаний, хочешь вырасти – делай уроки. Вот и русский мы изучали лишь потому, что язык сей велик и могуч (что не значит, будто венгерский – ничтожен и хил). По-русски в то время у нас говорили только преподавательницы русского языка – крашенные блондинки пятидесяти приблизительно лет, воинствующее этническое меньшинство с особыми племенными ритуалами. Идеей фикс у них был доклад дежурного о наличном составе учеников перед марш-броском. Это было условием выживания. Русских солдат я видел только в военных фильмах, да и те говорили в них по-венгерски. С живым русским военным мне довелось повстречаться, когда их уже выводили. Холодная война завершилась, мир – тоже, больше не было смысла умирать за него, и русские по дешевке распродавали военное снаряжение. Мой приятель решил купить парашют, я был при нем переводчиком.

"Parashut yes?", – спросил я, желая узнать, есть ли у них парашюты, но тут же расхохотался, сообразив, что проглотил одну букву, бог ты мой, оказывается русское "быть" и английское "yes" почти одно и то же, нет, не зря я учился. "Yankee go home!" и "Russkie domoj!" – по сути одно и то же, и оккупация – это всего лишь черта на карте, акцент, грамматическая конструкция. А не танки, не восемь классов, не медвежонок Миша. Это запись в моем ученическом дневнике. "Две водки", – ответил сержант по-венгерски и показал два пальца, давая понять, что их двое. После чего поинтересовался, как идут дела в школе. Обидевшись на чрезмерную фамильярность, я буркнул угрюмо: "Nu-nu!", как некто в кино "Тихий Дон". Тот поведал, что у него есть сын, Сергей, и он знает, что нам тоже нелегко, может, нужен Калашников? Или вот пистолет имеется. Вообще-то я не сластена, но почувствовал себя, как обжора в кондитерской лавке. Магазин он отдаст в придачу, как сувенир, так что выпьем за старые добрые времена. Пить с противником, говорящим с тобой на родном языке, за старые добрые времена, когда тебя еще не было и ваши отцы с наслаждением истребляли друг друга? "Ege segedre!", "в задницу!", – говорит нам прапор, желая сказать "на здоровье". Сергея тоже зовут Сергеем, как и его сынишку, но для нас он – Серега, говорит он, протягивая мне бутылку и довольно сносно цитируя Петефи. "Венгрия – это поэзия", – добавляет Серега. Я рассказываю ему, как группа венгерских ученых нашла в Баргузине останки Петефи, скелет, правда, оказался женским. Ничего удивительного, говорит он, Россия – страна большая. Он ведет себя не навязчиво, а скорей дружелюбно. Домой неохота, привык здесь, венгры ему по душе, а венгерки – особенно, и подмигивает мне, мол, сам понимаешь. Я, как павловская собака, подмигиваю в ответ, ибо знаю, когда говорят о женщинах, надо подмигивать. Мы хотим попрощаться, но он, все еще по-венгерски, просит не уходить. Пожалуй, с ним надо быть на чеку! Может, он вовсе не русский? Обь-угорский двойной агент? Махая ему на прощанье, мы пятимся к выходу. Уже в дверях он окликает нас, спрашивая, не хотим ли мы прихватить пару ручных гранат.

Перевод с венгерского Вячеслава Середы